

АНРИ МЕШОННИК,  
ЖАН-РЕНЕ ЛАДМИРАЛЬ

## Поэтика.../Теоремы... перевода<sup>1</sup>

**Анри Мешонник**

**П**остоянно и по сей день противостоят стратегии, направляющие процесс перевода и самих переводчиков, равно как противостоят они в теории языка, лингвистике, и в теории литературы; равно как противостоят теория и отрицание теории. В истории интерпретации, которая стара, как мир, перевод всегда был знаком, который убивает или животворит (тексты) — *шибболет* переходов литературы в литературу. Как Новые, так и Старые не смогли придумать ничего другого, как лавировать между обнажением механизмов и их непризнанием. Средства менялись. Но это не значит, что изменились стратегии и ставки. Но этого достаточно для того, чтобы произошло некое смещение, приключение. Хотя большинство изменений оказалось связанным примечательным образом с лингвистическим порядком и политической знака. Что вызывает интерес и необходимость рассмотреть недавно появившиеся работы, с чего я и начну. С тем чтобы обозначить нашу ситуацию.

Для того чтобы проиллюстрировать основные точки зрения, а также для того, чтобы подвести предварительный итог, я упомяну здесь

<sup>1</sup> Перевод выполнен по тексту: *Meschonnic H., L'admiral J.-R. Poétique de.../Théorèmes roug... la traduction // Langue française. 1981. № 51. P. 3-18.* Теоретическая дискуссия двух крупнейших представителей переводоведческой мысли Франции 70-80-х годов, предваряющая специальный выпуск журнала «Французский язык», посвященный проблемам перевода.

несколько работ, появившихся за последние три года<sup>2</sup>. Эти работы отражают состояние, или точнее – состояния – лингвистики и других наук о языке. Так лувенский сборник «Литература и перевод»<sup>3</sup>, в котором собраны работы исследователей из Амстердама, Лувена и Тель-Авива, рассматривает проблему перевода в рамках семиотики и «всеобщей риторики», разработанной группой «Мю» из Льежа. В силу формализма перевод понимается здесь как отношение между двумя языками, а не дискурсами, в ельмслевском варианте структурализма, как оппозиция выражение/содержание, и отклонение (*l'écart*). Эффект лингвистической прагматики сказывается в «Элементах теории поэтического перевода» Богранда<sup>4</sup>. Речь идет о применении к переводу «лингвистики текста». Единица перевода – уже не слово, не фраза, но – текст. Правда, прагматика ведет к тому, чтобы сопоставлять не просто два текста, а «процессы взаимодействия между автором, переводчиком и читателем» (13). Смысл в процесс понимания и в работу интерпретатора помещает герменевтика. При этом используется, наряду с критикой Хомского, понятие компетенции. Похвальная забота не забыть читателя приводит к расплывчатой «поэтической компетенции», где мы снова сталкиваемся с понятиями «отклонения», «девиации», «неожиданности», «интенции автора» (47). Теория информации и стилистика Риффатерра способствуют сохранению раскрытых еще Соссюром «традиционных подразделений» (лексика, морфология, синтаксис) на основе одного лишь языка, в результате чего смешиваются значение (*valeur*) и смысл (*sens*) (99). Подобно господину Журдену, эта теория перевода, сама того не зная, представляет собой теорию языка. Метафора для нее «по своей сущности неконвенциональна» (73). Мы это знаем со времен Малерба, хотевшего, чтобы поэзия была понятна любому рыночному грузчику. Отбрасывая понятие поэтической формы в пользу бихевиористского уравнения смысл/ответ, эта теория обращена к присутствующей в языке избыточности, «цветистости», вступая в противоречие с современным пониманием текста, который для нее – отклонение от нормы (*écart*). Она нацелена на «объективный перевод» (88), но превращает чтение в интерпретацию, которой оно не является. Вот всего лишь несколько последних прагматики. К тому же она кроме себя знать ничего не знает.

<sup>2</sup> Университет Амстердама (Institut voor Verstalkunde и Институт всеобщих литературных исследований) распространяет с 1977 года ротационный бюллетень под названием *Transst, International Newsletter of Translation Studies*, посвященный книгам, статьям, коллоквиумам, относящимся к проблематике перевода. Бюллетень обширный, но неполный.

<sup>3</sup> *Literature and Translation: New Perspectives in literary studies* / James S. Holmes, José Lambert & Raymond Van der Broeck (eds). Leuven: Acco, 1978.

<sup>4</sup> *De Beaugrande R. Factors in a Theory of Poetic Translating*. Assen: Van Gorcum; Amsterdam: Rodopi, 1978.

В том же 1978 году появляется моя работа «*Поэзия без ответа*»<sup>5</sup>, один из разделов которой называется «Переводить-помещать» и посвящен как теории (воздействию философии на теорию перевода), так практическим примерам, включая критику переводов из Библии и Тракля. Анализ понятий ограниченного и общего перевода обращен, помимо прочего, на книгу Джорджа Стайнера, французский перевод которой появился чуть позже<sup>6</sup>. Стоит отметить здесь изменение подзаголовка, отсылающего в английском варианте к хомскианской модели «*Aspects of the Theory of Syntax*», а во французском переводе — к нашей модели «*Poétique de la traduction (Pour la poétique II)*», к которой добавляется феноменологическое понятие «*говорение*» (*le dire*). В действительности, Стайнер ставит на одну доску поэтику и «метафизику перевода», равно как, невзирая на явное противоречие, апеллирует одновременно и к Хайдеггеру, и к Беньямину. Эта книга показывает, что невозможно представить теорию перевода, которая не была бы одновременно теорией языка и теорией литературы. Нет частностям. *Таким образом, конфликт между теориями перевода всегда направлен не на перевод, а на нечто другое.*

В 1979 году появляется книга «Верный толкователь» («*The True Interpreter*») Л.Дж. Келли (L.G. Kelly)<sup>7</sup> — на сегодняшний день лучшая из известных мне история перевода, где она рассматривается в тесной связи с историей лингвистики. Эта книга не отличается такой узкой доктринальностью, как работы Богранда и Холмса, настаивающие на информативной функции языка. Она избегает школьной ловушки оппозиции *языка и речи*: перевод является здесь, как и речевая деятельность, «и социальным актом, и индивидуальным» (227). Также разоблачается здесь миф о «верности переводчика», который может вести, с одной стороны, к прагматическому переводу, обращенному к «читателю» (Д. Катфорд, Ю. Найда), тогда как с другой — к усилению сохранить «изначальное соотношение между материей и формой» (В. Беньямин, А. Мешонник). Не форму, но отношение. Перевод здесь постоянно соотносится с исторической и культурной целостностью, но не в расплывчатости прагматики, которая сопрягает в действительности абстрактную психологию и абстрактную же социологию с вкраплениями англо-саксонской филологии, структурализма и генеративной грамматики Хомского. Это также год, когда появляется книга Жана-Рене Ладмирала «Переводить: те-

<sup>5</sup> Meschonnic H. *Poésie sans réponse // Pour la poétique*. T. V. Paris: Gallimard, 1978. «Traduire situer». P. 187–268.

<sup>6</sup> Steiner G. *Après Babel. Une poétique du dire et de la traduction*. Paris: Albin Michel, 1978. Оригинал: *Idem. After Babel. Aspects of language and translation*. NY: Oxford University Press, 1979.

<sup>7</sup> Kelly L.-G. *The True Interpreter. A History of Translation Theory and Practice in the West*. Oxford: Basil Blackwell, 1979.

оремы перевода» («Traduire : théorèmes pour la traduction»<sup>8</sup>), посвященная отношению между теорией и практикой, преподаванию перевода, универсалиям, которые представляют собой «теоретическое» возражение на возможность перевода, и вопросу о коннотации. Мы вернемся к ней позже. Все спорят: грамматисты и переводчики, практики с теоретиками, практики с практиками, теоретики с теоретиками, — невзирая на то, есть у них теория или нет.

Для 1980 года я могу отметить только три публикации, воздействие которых на данный номер тем более ощутимо, что они вышли почти одновременно: университетский сборник «*Encrages*»<sup>9</sup>, в котором опубликовано несколько важных теоретических статей, а самое главное, — переводов; специальный номер итальянского журнала «*Lectures*», посвященный теме *Traduzione tradizione*<sup>10</sup> (Перевод — предание. — *Прим. пер.*): здесь перевод рассматривается больше в диахронической перспективе, чем в рамках формальной оппозиции, в которых остается прагматика, между формой, которая является заблуждением, и смыслом, который является истиной, нет переводу-предательству, да здравствует перевод-предание, передача традиции. Наконец, упомяну специальный номер журнала «*Le français moderne*» (октябрь 1980, №4), который представляет в основном точку зрения переводчиков-практиков-антитеоретиков, для которых Жорж Мунен «остается почти что единственным эталоном» (292). Действительно, его фундаментальная работа «Теоретические проблемы перевода» вышла еще в 1963 году, и рассматривается здесь как «наиболее оригинальное и наиболее глубокое теоретическое начинание, когда-либо предпринимавшееся во Франции» (там же), что возможно не иначе, как на основе кричащего неведения автора (и авторов этого номера) в отношении всякой иной теоретической модели, кроме своей собственной. Словом, идеологическая и научная групповщина, причем это не единственный тому пример...

Упомяну, наконец, характеризую ситуацию вопроса о переводе, две типичных позиции. Первую представляют практики-антитеоретики, и она резюмируется Сержем Фошро следующим образом: «теории перевода порождаются, как правило, теми, кто почти никогда и ничего не переводил»<sup>11</sup>. Трудно было бы лучше выразить то недоразумение, поводом для которого становится при всяком удобном случае понятие *теории*: она воспринимается как абстракция — в самом уничтожительном и примитивном смысле слова — то есть нечто такое, что не имеет какой

<sup>8</sup> *Admiral J.-R.* Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Payot, 1979. Petite Bibliothèque Payot. № 366. Цитируется под сокращенным названием «Переводить» («Traduire»).

<sup>9</sup> *Encrages: Poésie/Traduction anglais-français/français-anglais.* Université de Paris VIII. Dép.d'Études des pays anglophones. Printemps-été 1980. № 4-5.

<sup>10</sup> *Lectures.* Vol. 4-5. Traduzione tradizione. Bari: Edizioni Dedalo libri, Agosto 1980 (Istituto di Lingua e Letteratura francese. Facoltà di Lingue, Università di Bari).

<sup>11</sup> *Fauchereau S.* Traduire en collaboration // *Encrages.* 1980. Vol. 4-5. P. 35.

бы то ни было связи с реальностью, и в то же время представляет собой саму нормативность («во что вы лезете!»). Именно «Теоретические проблемы перевода» Мунена могли бы служить замечательным примером такой теории, если бы не одно «но»: это книга лингвиста, который излагает проблемы перевода, как они представлены в различных лингвистических теориях; перед нами дескриптивная лингвистика или, точнее, подобная дескрипция различных лингвистических теорий. Ничего другого. Именно поэтому универсалии занимают здесь столько места. Мунен ни слова не говорит о том, что происходит, когда мы переводим, еще меньше — о том, как следует переводить. Аналогичное недоразумение возникает в противопоставлении литературной критики и творчества: «когда чем-то много занимаешься», возникает сомнение «в полезности теорий». Оцените самоуверенность практиков.

Второй случай представляет живой теоретический интерес, в то же время он является еще одним прекрасным примером теоретического аутизма, в котором, в силу групповщины и автореференциальности, научное исследование смешивается с властью, эпистемология — с интеллектуальным маркетингом. Речь идет об отношении между переводом и ритмом. Уже Данте, в *Convivio*, осуждал переводы, которые пренебрегают ритмом. Теория перевода встречается с теорией ритма в тот момент, когда она начинает принимать в расчет тексты. Именно в это кричащее противоречие попадают П. Люссон и Л. Робель<sup>12</sup>. Поскольку видят только язык, не принимая во внимание дискурс. Критикуя не очень понятно каких теоретических оппонентов, эта антология идеализма — которая как раз характеризует практиков без «теории» — является критикой, которая не определила свой объект. Она берет на себя смелость выдвигать положения по поводу перевода, категорически отказываясь прибегать к «семантике», наверное, для того, чтобы избежать «подтекстов философского и лингвистического порядка», каковые она тем самым только приумножает. Когда речь идет о переводе, невозможно избежать вопроса смысла, семантики. Вот почему необходимо разработать теорию смысла и *смысловой ценности* — языка и *дискурса*. Требование строгости сводится здесь к понятию в «исчислимого», при этом отношение между исчислимым и коммуникативным не имеет научного основания. Сопряжение теории ритма и теории перевода осуществляется на базе бинарной оппозиции, противопоставления *тождественного* и *различного*, где ритм сведен к метру<sup>13</sup>. Смысл не исчислим. И не обязательно «дискретен». Сциентистский отказ от семантики предполагает

<sup>12</sup> Pierre Lusson, Léon Robel. Traduction générale et traduction rythmique: vers la théorie // Encrages. 1980. Vol. 4–5. P. 30–31. Эта статья основывается на теории ритма самих Люссона и Робеля. См., помимо прочего, их статьи в: *Langue française*. Septembre 1974, № 23.

<sup>13</sup> Я отсылаю здесь к своей работе: *Meschonnic H. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage*. В печати.

отказ от дискурса в пользу языка, от семантической ценности в пользу *формы*.

С этой точки зрения текст есть «совокупность значимым образом различающихся переводов». Лингвистически и поэтически это невозможно. Перевод — это и специфичная историчность, и специфический речевой акт. Текст и его переводы вовлечены в историю и различные языки, текст и его переводы суть различные стратегии и ставки. «Дон Кихот» не есть совокупность его переводов. Его перевод Флорианом составляет не часть текста, а часть отмеченного своим временем культурного комплекса, как и перевод дантевского «Ада» Риваролем. Это иной лингвистический и культурный объект. Истории переводов одного и того же текста могут не сходиться в одно русло: возьмем, Беранже на русском. Таким образом, в устрашающе теоретическом «Положении» «Etcages» *историчность* вытеснена в пользу *структур*, так же как *субъект-дискурс* — *языком*. Поэзия, как «память и исследование языка», является историей без субъекта. Максимальное расширение понятия перевода ведет к дефициту понимания, что и происходит с дефиницией ритма («исчислимо в структурировании объектов»), в которой в применении к речи оживает мечта Лейбница о том, что все исчислимо.

Любой объект познания призван создать свою эпистемологию. Речь, ритм, перевод не приемлют наивной научности, применения традиционной эпистемологии к дискурсу, моментам означивания и субъекту. В «ритмическом переводе» Люссона и Робеля удерживается лишь «ритмический скелет», своего рода «метрический гомоморфизм». В чем сказывается отождествление ритма с метром. Снятие проблемы формы выливается в проблему *ямба*, где главное — бинарность. Это нормативная теория: она тяготеет к «инструкциям». Смысл утекает в смысл. Откуда и теоретическая расплывчатость.

Перевод и его теория нуждаются в теории смысла, значения и дискурса. Теория ритма и теория перевода нуждаются друг в друге. Но если такие теории ограничены понятием языка, они погрязают в традиции. Ритм увязает в метрике. Лишь принимая во внимание понятие дискурса, такие теории могут сообразоваться с историчностью и специфичностью речевых практик.

### **Жан-Рене Ладмираль**

После того, как было размечено поле публикаций о переводе, образующих общие теоретические рамки, в которые встраивается этот номер, мне остается указать на то, что предопределило его внутреннюю «логику». Последняя базируется, прежде всего, на некоей ситуации напряженности — диалоге и дуэли — между мной и Анри Мешонником, то есть между его «поэтикой перевода» и моими «теоремами перевода», которые восходят к тому, что я назвал бы лингвистической философией переводоведения.

Вот почему это диалогическое «Введение» сразу принимает (и/или сохранит) откровенно полемический оборот. И поскольку задействованная здесь литературная форма «диалога» действительно располагает к некоей нескромности... платонической реминисценции, то можно сказать, развивая настоящую аналогию, что речь идет о диалоге эвристическом. Впрочем, мы увидим, что на критику А. Мешонника я отвечаю лишь защищаясь, причем избирательно, не перенося, поначалу, дебаты на территорию противника.... Недостаток места, а также неоднозначность доброй части формулировок Мешонника не позволяют мне ответить подобающим образом...

### Анри Мешонник

Без напряжения и напряженности не существует никакой теории, теоретической деятельности вообще. Именно эта проблема бросается мне в глаза в понятии «переводоведение», предложенном в работе «*Переводить: теоремы для перевода*»<sup>14</sup>. Дело не в словах, речь о теоретической проблеме. Под вопрос попадает не специфика поля исследований, а некая автономия, которая подразумевается термином. Не говоря уже о грезе научности. На немецкий манер. Ну, почти. Конечно, здесь мы найдем все практики, начиная с эссе, откровения переводчиков, даже сопоставительную стилистику. Но мне не кажется, что уместно говорить о «лингвистике вмешательства» как о «теоретическом подспорье в работе «полевых» переводчиков». Потому что здесь нет ничего специфического. Все есть вмешательство. Преподавание само по себе является вмешательством. Невежество или готовые идеи вмешиваются в точности так же степени, что и лингвистика, или — что и понятие лингвистики, приспособленное для подходящего использования. Если речь идет о «критическом освещении», то значит речь снова идет о теории языка. Якобы переводчик выиграет, если не будет Господином Журденом от теории. И лингвистики. За антитеорию приходится платить дорого. Вот почему, превращая *теорию* и *критику* в стратегические синонимы, я считаю более продуктивным и более уместным говорить о теории перевода. Более того — о поэтике перевода.

Это означает две вещи. Первая состоит в том, что для всех дискурсов, для всех способов обозначения, поэтика является необходимой дисциплиной, поскольку никакая теория способов обозначения не может создаваться без обращения к теории литературы. И обратно: никакая теория литературы не может открыть рта без теории «повседневного языка» и множественности дискурсов. Вторая основывается на фундаментальном постулате критической теории Хоркхаймера

<sup>14</sup> А также в статье: *Ladmiral J.-R. Philosophie de la traduction et linguistique d'intervention // Lectures. Vol. 4-5. P. 11-42. Цитируется под сокращенным названием «Philosophie...».*

и Адорно, гласящем, что всякая теория, затрагивающая социальное измерение, — что и происходит в случае языка, литературы, истории, — не может остаться частной, региональной доктриной: она предполагает некую теорию общества. Взаимововлечение, которое имеет место в случае истории, социального, языка, противостоит всякой попытке создания какой бы то ни было региональной эстетики, переводоведения, равно как филологии или теологии. Рассматривать эстетику в себе самой — это значит смотреть на критическую теорию уже сквозь феноменологию, которая в настоящий момент является доминирующей философией. Но в точности так же она является философией кризиса и кризисом философии. Поэтому в этом термине «переводоведение» я мечу в двусмысленность отношения к критической теории и тем самым к другим наукам, которые из «гуманитарных» становятся «социальными», что, по моему мнению, является чем-то большим, нежели «низкопробным англицизмом». Амбивалентность отношения к семиотике, например. Постулаты семиотики мешают создать как семиотику ритма, так и семиотику перевода. Потому что она, по определению, остается внутри теории знака и ее крайних проявлений — фокусов с исчезновением означающего. С другой стороны, чтобы подвергнуть критике понятие текстуального бессознательного, без чего мы его просто некритически воспроизводим, также необходима поэтика. Тут если что и остается, то только техника контрастивной грамматики. Но внутри языка, в его отношении к языку. Ибо речь о дискурсах.

### Жан-Рене Ладмираль

Прежде всего, о проблеме переводоведения. Если верно, что «под вопрос попадает не специфика поля исследований», то автономии так называемого переводоведения отрицать нельзя, если только неправильно понимать смысл, при том при всем расхожий, слова «автономия». Автономия, как мы знаем, это не независимость, и еще меньше — изолированность или онтологическая инсулярность. Раз так, то должно быть ясно — и это ясно, стоит лишь как следует прочитать теоремы, изложенные в книге «*Переводить*», — что «переводоведение» не что иное, как эпистемологическая этикетка, которая обозначает *en extension* некое исследовательское поле, область изучения, имеющую в качестве объекта различные аспекты перевода. Конечно, ей можно предпочесть лингвистически менее удобную синтагму теория перевода. Почему бы и нет?

Для меня (см. «*Переводить*», с. 162) *переводоведение* и *теория перевода* являются синонимами (но признаюсь, я не уверен, что они являются «стратегическими» синонимами). С этим дополнительным уточнением, что теория перевода обозначает *по содержанию [en compréhension]* «неотъемлемую часть переводоведения» («Философия...», с. 19), призванную осмыслить или, точнее, «теоретизировать» ту область, которая предварительно очерчена во всем объеме. Полагаю, что будет также «про-



дуктивно» и «уместно», и, между прочим, более точно определить наши термины именно таким образом. Но было бы бессмысленно в том, что касается этого терминологического пункта, предаваться критической экзегезе «симптоматического прочтения», ведь *вопрос* здесь именно только *в слове!*

Другой вопрос о слове (или словах): переводоведение ни в коем случае не восходит к какой бы то ни было «мечте о научности», ни в той ни в иной мере, а вообще не ведет! Разве что именно «на немецкий манер», то есть в широком смысле слова, когда так называемая «наука» (*Wissenschaft*) обозначает любое организованное знание, обязывающее себя отвечать требованиям собственной методологии, в частности, процедурам критического контроля, производимого аргументативной рационализацией<sup>15</sup>. Я много писал об этом в книге «Переводить» (с. 107 и далее, с. 256 и далее), а также и в другом месте<sup>16</sup>. Впрочем, в этом «из-за рейнском» семантическом импорте нет никакой особой смелости, и в современном французском языке слышны его многочисленные отзвуки. Только если кто-то не хочет прикинуться наивным и принимать более-менее недавние выражения «наука о литературе», «юридические науки»... и *last but not least*, конечно, «политические науки» в строгом смысле («точных» наук), который изначально присутствует в этом слове в его французском варианте. С равным успехом мы можем использовать такое же выражение «наука о переводе» в качестве синонима «переводоведения» («Философия...», с. 16 и далее, ср. «Переводить», с. 108). Видеть в этом «мечту о научности», в том смысле, в каком это является критическим упреком, — значит стремиться к ссоре по...немецки<sup>17</sup> (речь о языке, а не о народе). Еще один пример простого «вопроса о словах».

Что касается существа дела, то есть реальности автономии, которая определяет (в этимологическом смысле) переводоведение, я не вижу

<sup>15</sup> Отошлю здесь к условиям, служащим основой появления того, что Юрген Хабермас тематизирует как горизонт идеально рационального анализа (*Diskurs*).

<sup>16</sup> Ср.: *Philosophie...* P. 16 sq., 37. Тут действительно есть проблема, когда то, что я называю *артефактом перевода* — понятие, порожденное в данном случае языковой интерференцией, заключающейся в том, что смысл французского *science* расширяется за счет отсылки к немецкому *Wissenschaft*, и при этом поддерживается претензия сохранить его строгое семантическое содержание — приводит к тому, что из психоанализа и марксизма делают «науки» в узком смысле слова, к чему, например, Л. Альгюссер, как кажется, испытывал громадное искушение; что отмечает также и сам Анри Мешонник: *Pour la poétique* II. Paris: Gallimard, 1973. P. 15.

<sup>17</sup> Здесь автором употреблена непереводаемая идиома. В тексте: «une querelle d'... allemand», — что означает «ссора из-за пустяков», а дословно: «ссора по-немецки». В устойчивой идиоматической форме слово «немецки» пишется всегда с большой буквы («une querelle d'Allemand»), откуда и появляется последующее замечание Ж.Р. Амिरала о записи этого выражения без употребления большой буквы, что дает ощущение, что речь идет о языке, на котором в данном случае ссорятся. — *Прим. пер.*

ничего, что противостояло бы конституированию «регионального переводоведения» («региональное» слово не мое, но я согласен принять его на свой счет), если мы понимаем, о чем говорим: регион является подмножеством, располагающимся в более широком контексте, с которым оно находится в диалектическом взаимодействии. Иначе говоря, следует признать за переводоведением (пусть оно будет, если это так важно, «региональным») автономию, то есть *относительную* независимость в обстановке взаимозависимости. В чем в точности и заключается *междисциплинарность*, — если только не представлять ее себе как некую холистскую и неопределенно мистическую туманность, где все находится во всем и наоборот...

Это верно, что мало-помалу и, так сказать *in nuce*, теория перевода предполагает теорию литературы, которая предполагает теорию субъекта, которая предполагает теорию истории и теорию общества... Но нельзя ограничиваться каким-то колдовским заклинанием, которое перебирает по одной, как на четках, теории в их «взаимовлеченности».

Другое. Я с удовольствием бы сказал после всего этого, что любая гуманитарная наука является наукой социальной. И что? Все мы являемся социологами... Но это еще нужно доказать при помощи работы на территории этой науки и в самой материи ее теоретического производства. Одна из слабостей критической теории Франкфуртской школы в том, что это не было продемонстрировано в должной мере. И таким образом она навлекла на себя упрек в идеализме, — в том, что она все больше и больше соскальзывала к тому, что я назвал «суперструктурализмом», то есть к теории, все больше и больше центрирующейся на изучении культурных надстроек. Впрочем, мы подходим здесь к только что упомянутой проблеме метатеории, которая лежит в основе аргументации А. Мешонника. Здесь мы попадаем в замкнутый круг, из которого сложно выйти, и с которым столкнулась критическая теория<sup>18</sup>: нет метатеории познания без теории общества, но нет также и теории общества без метатеории познания.

Главное, я оспариваю то, что навешивание такого ярлыка (или, если воспользоваться английским термином, как это любят делать некоторые психо-социологи, *labelling*), как «преподаватель языка» (см. ниже) является образцом в достаточной степени разработанного... и что-то реально объясняющего социологического анализа. Но в особенности было бы нужно, чтобы социологизирующая диагностика нашла какие-то конкретные способы защитить себя от содержания критикуемых теорий, при отсутствии чего не рискует ли идеологическая критика оказаться лишь упражнением в стиле, где виртуозность полемического пера служит лишь прикрытием им-

<sup>18</sup> Ср.: *Habermas J. Connaissance et intérêt / Préf. J.-R. Ladmiral., trad. G. Cléménçon et J.-M. Brohm. Paris: Gallimard. (1)1976–(2)1979. P. 31.*

прессионистских упрощений, свойственных литературной «эссеистике»? И чтобы закончить с этим сюжетом, да, я продолжаю думать, что гуманитарные науки называются сегодня, все без исключения, «социальными науками» только в силу низкопробного англицизма («Философия...», с. 12), в чем я усматриваю возгонку цен и этикеток на интеллектуальном рынке. В лучшем случае, речь идет о трюизме — в этой перспективе, я с удовольствием соглашусь, чтобы «переводоведение» называлось «социологией перевода», так же, как те социологи бессознательного, которых до настоящего времени называли, конечно, на правах аббревиатуры, психоаналитиками, тогда как нужно бы было уяснить себе, что они являются «социо-психоаналитиками», ну и тому подобное...

Что касается понятия лингвистики вмешательства, то, надо полагать, оно не было правильно считано. Однако я открыто подчеркнул, что заимствовал этот термин из области психосоциологии («Философия», с. 22 и далее). Таким образом, оно играет здесь роль исключительно технического термина (психосоциологическое «вмешательство» или «посредничество»), что не было понято<sup>19</sup>. Если что-то и может обсуждаться, но реально, то есть в деталях, то это, возможно, значимость *аналогии*, которую предлагается провести между социоаналитическим посредничеством и переводом. Параллельно, именно в отношении лингвистического вмешательства, приобретает свой смысл понятие *текстуального бессознательного*, которое я тематизирую как институциональное бессознательное переводческого вмешательства. С другой стороны, я не согласен, что притом, что она не является поэтикой перевода, работа Центра институционального анализа перевода<sup>20</sup> является тем не менее ее «не-критическим воспроизведением». Тогда как в строгом смысле слова сходство институционалистской критики имеется как раз с критической теорией (сходство не только тематическое, но также и историческое) («Философия...», с. 23 и далее). Что касается филологических предпосылок: в чем мои переводоведческие теоремы находят-ся под влиянием феноменологии? о какой феноменологии идет речь?

<sup>19</sup> Тем временем только что вышла, например, книга Реми Хесса «Социология посредничества» (*Hess R. La Sociologie d'intervention. Paris: P.I.F., 1981. Coll. Le sociologue. № 47*).

<sup>20</sup> Нехватка пространства не позволяет мне развить здесь эту общую проблематику и продвинуться дальше, чем это делается в «Философии...»; я посвящу этому следующую работу. Впрочем, я приступил к этой работе, анализируя отдельно педагогическую институцию преподавания языков (в моем тексте в специальном, посвященном *переводу*, выпуске журнала *Langages* (Décembre 1972. № 28. P. 8–39; он затем был переиздан в «Переводить» (Traduire. P. 23–83.)). К этому ли отсылает эпитет «преподаватель языка», ограничительный характер которого я отказываюсь признавать? И если верно, что «преподавание... само по себе является вмешательством», то в неспециальном смысле этого термина; однако, по правде сказать, здесь не место рассуждать о том, какие отношения существуют между педагогической практикой и психологическим вмешательством.

и в каком смысле можно говорить, что «феноменология на данный момент является доминирующей философией»? Герменевтика не является феноменологией.

### Анри Мешонник

Конечно, между теорией и практикой существует бесконечное количество отношений, которые их объединяют и их разделяют. Нужно еще раз определить термины. Под *теорией* я понимаю теоретическую активность (а не такую-то или такую-то «теорию») как поиск стратегий, ставок, имплицитных понятий о языке, которые практики одновременно обнаруживают и скрывают. Не знание, а поиск того, что мы не знаем и что происходит в языке. С этой точки зрения всякий перевод — и сам переводчик — являют собой экспериментальную поэтику. С этой точки зрения невозможно «разделить теорию и практику, когда речь идет о том, чтобы переводить» («Переводить», с. 184). Избыточное место, которое уделено Мунену, уже само по себе представляет недоразумение, о котором я говорил в отношении теории. То же и с вопросом о непереводемости. Что для меня является лишним знаком метафизического статуса теории перевода Ладмирала. К поэтике перевода имеет отношение скорее историчность переводческих практик, переводов и отношений к текстам.

Литературный перевод необходимым образом подразумевает теорию литературы. Она необходима, чтобы понять, почему такое количество переводов уступает произведениям, которые они переводят, и почему срок их жизни гораздо короче, почему и каким образом переводить — это не то же самое, что писать. В то время как могло бы быть тем же самым. Всякая застенчивость по отношению к поэтике и к поэзии, всякое «воздержание от теории» оборачивается, таким образом, двусмысленным поведением по отношению к теории. В противоположность теоретическому статусу, заявленному термином «теорема», эта застенчивость указывает на упертость этих теорем, которые с его помощью разворачиваются в сторону прагматики, обращаются против «красноречия теории» («Переводить», с. 11). Это речь того, кто практикует антитеорию. На лингвистическую аргументацию Мунена о непереводемости не существует теоретического ответа, но только ответ прагматический. Проблема синонимии (там же, с. 171) рассматривается в грубом приближении. Сказать, что лошадь, кляча и скакун являются «тремя способами сказать «то же самое»» (с. 120), это значит путать между собой знак и референт. Дуализм, отвергнутый за его теоретическую слабость (с. 113), возвращается в виде оппозиции *смысла* и *стиля*, которая подразумевает оппозицию между денотацией и коннотацией (с. 119). Таким образом, сохраняется прежняя стилистика, которая полностью принадлежит традиционной теории, благодаря своей предпосылке о норме и отклонении

в языке<sup>21</sup>. Коннотация, которая подвергается критике теоретически, оказывается утвержденной прагматически, то есть в эпистемологической размытости. Отсюда недалеко до поделок практиков. При этом все время говорится о теории, в виде различения семантической и семиотической коннотаций (с. 197).

Прагматика приводит к тому, что стилистика и поэтика примиряются (с. 173), в то время как на самом деле они радикальным образом расходятся. Стилистика имеет дело, в лучшем случае, со структурами. Она может быть структуралистской. Поэтика предполагает систему, которая со структурой не имеет ничего общего, и взаимодействие между теорией и практикой, которого также нет в стилистике. Работа «*Писать Гюго*», например, оспаривает, что понятие формы-смысла «довольствуется созданием неологических соединений, которые соплагают противоположные концепты» (с. 192). Но она подтверждает, что это представление, заимствованное у (литературной) семиотики, относится к традиционной теории. Поэтика перевода и ритма, о которой я говорю, является насколько теорией, настолько и практикой: и она начинается в «Пяти Свитках», которые не являются теорией.

### Жан-Рене Ладмираль

Что касается проблемы синонимии<sup>22</sup>, я не вижу, в чем «Переводить» рассматривает ее «в грубом приближении», тем более, что речь шла о том, чтобы тематизировать ее исключительно как теорему для перевода, то есть выделить семантику подлежащих переводу коннотаций через противопоставление их простой стилистике (что и было сделано сразу после осужденного слишком быстро отрывка, см. «Переводить», с. 172 и далее), а не о том, чтобы написать другую книгу под названием «Общая семантика»; вряд ли стоит мерить реальную книгу меркой книги возможной.

И особенно: если я и отмечаю поначалу, что *лошадь*, *кляча* и *скакун* представляют, как утверждается, три способа сказать «то же самое», то это для того, чтобы лучше продемонстрировать затем (с. 179 и далее), насколько это выражение двусмысленно и приводит к путанице. Если взглянуть на вещи более внимательно, эти три знака не означают одну и ту же внелингвистическую реальность (референт). Допустить это означало бы уступить тому, что я критиковал, в частности у Дж. Лионса, под именем *одержимости референтом* (с. 164 и далее). Если выразить это в одной формулировке (видоизменяя зоологическую переменную): «На-

<sup>21</sup> Имеется в виду лингвистическая гипотеза о существовании нейтрального языка, по отношению к которому исчисляется «отклонение» любого определенного языка. — *Прим. пер.*

<sup>22</sup> Говоря в целом: следовало бы отвечать по пунктам; но здесь я должен довольствоваться тем, что исправлю то, что выглядит как искажение смысла до наоборот.

чиная с древних времен, философам известно, что *понятие собаки не кусается*, — а лингвистическое означаемое слова — то же!» («Переводить», с. 165). Достаточно перечитать эти рассуждения, чтобы отдать себе отчет о том, что ничто не позволяет утверждать, что здесь «путают между собой знак и референт».

Что касается *стилистики*, то это неточно, что мои теоремы к ней «возвращаются»; напротив, они ее *покидают*. Вот почему я предпочитаю, чтобы поэтому они начинались постановкой проблемы на том уровне, на котором она с самого начала ставится для общей идеологии, свойственной неспециалистам, прежде чем от нее отойти для того, чтобы пойти за ее пределы, к более углубленной теоретизации. Существует квазипедагогическое измерение критики идеологий<sup>23</sup>. Недостаточно отдать так называемую стилистику, так же, как понятие «отклонения», на поругание «традиционной теории». Концепт, принцип, теория (скажем: «теоремы») не могут быть подвергнуты критике сами по себе, без связи с двойным контекстом, теоретическим и практическим, в котором они артикулируются, в котором они разрабатываются, и, может быть, ратифицируются. Иначе мы попадаем в царство онтологии! Стоит ли напоминать это тому, кто клянется диалектикой?

Таким образом, пресловутые *коннотации* стилистики соответствуют одному *моменту* анализа, они используются и «пользуются» прагматически; и именно в этом виде они должны быть сохранены как элементы, неотделимые от семантизма, или «семантических» (с. 196 и далее), а не «стилистических» коннотаций (с. 196 и далее), в том виде, какой они приобретают уже после того, как были подвергнуты детальному анализу (на приблизительно тридцати страницах! см. с. 133 и далее); но без того, чтобы выплескивать вместе с водой ребенка, руководствуясь не к месту приходящейся, поскольку она презирует практику, теоретической чистотой (с. 160 и далее). Тем не менее эта коннотация, которую я называю семантической, не просто «утверждается прагматически», но как раз *и* прагматически, *и* теоретически; и здесь нет никакой «эпистемологической размытости», потому что ельмслевское понятие семиотического *коннотата* образует здесь (с. 185 и далее) одновременно и полюс, в противоположность к которому устанавливается определение «семантических коннотаций» (в отношениях лексической противоположности, но также диахронической дополнительной), и то, что я называю также «метаконнотацией», которая удостоверяет теоретический статус, общий как для одних, так и для других (с. 201), — для коннотаций семантических и коннотаций семиотических (см. схему, с. 248), в то же

<sup>23</sup> Именно «критику идеологий» или «критику идеологии» — как следовало бы перевести немецкое понятие *Ideologiekritik* — претендует построить здесь А. Мешонник, снабжая себя чем-то вроде «скрытой аргументацией», как сказал бы Юрген Хабермас (*hinter [meinem] Rücken*).

время, как нацелена на то, чтобы осмыслить лингвистическую деятельность в целом.

И не достаточно отвергнуть применение ельмслевской семиотики, если только не рассуждать недиалектически, постулируя, так сказать, платонизм магической сопричастности идей между собой, в терминах которой умозаключения поэтики были бы трибуналом в последней инстанции, перед которой должна бы была предстать лингвистическая теория, из которой эти умозаключения были (более или менее удачно) выведены. История наук достаточно ясно демонстрирует, что частичное теоретическое заимствование («теорема») всегда возможно, одной парадигмой — у другой, без того, чтобы это автоматически означало тотальное поглощение одной теории другой. *Sol lucet omnibus...*

Что касается «вопроса о непереводемости», за ним действительно можно увидеть метафизику (в негативном смысле, в котором, конечно, это слово употребляется в обыденном языке). Но другого я и не говорю: я посвящаю не менее одной главы «Переводить» полностью тому, чтобы показать это детальным образом, показать и проанализировать истоки и механизмы этой идеологизации, которая, действительно, особенно у Ж. Мунена, пытается «деисторицизировать проблемы (перевода) для того, чтобы разместить их в идеальной вечности, которая поддается неисчерпаемому риторическому варьированию» (с. 113).

Тем не менее, как мне кажется, границы перевода существуют. Важно поэтому очертить их настолько точно, насколько это возможно, пытаясь держаться точного понятия перевода, где верно, что добрая часть «метафизических» проблем непереводемости обязана сколько стремлению к идеологической вечности, субстанциализирующей языки, столько и недостаточной точности понятия перевода, неправомерным метафоризацией, одновременному учету взаимопротиворечивых требований, двойных смыслов, которые порождают искажение смысла до наоборот... Конечно, эти границы перевода являются частично историческими, то есть исторически преодолимыми, но не целиком, если только не призывать к Истории с помощью магии, как к крупномасштабному орфическому шабашу обезличивания, синкретизм которого является в конечном счете лишь недостаточно диалектизированным неоспинозизмом.

Вместе с тем я бы очень хотел, чтобы табуированное слово *непереводемое* не произносилось (и даже чтобы о «переводемости» говорили, как это делают Ж. Мунен и А. Мешонник, с явным удовольствием). Но поэтому, рискуя навлечь на себя анафему как еретик, который тайно нарушает запрет, я отказываюсь вести речь о максимализме, который в этом случае не может быть не чем иным, как пафосностью и риторическим заклинанием. В отношении этой болтовни опыт переводческой практики оказывается беспощадным; а абсолютные успехи, если таковые найдутся, — узко локализованными и относящимися к разряду лю-

бопытных случаев, вроде тех редких феноменов, на которые стоит смотреть, но так, чтобы не ослепнуть.

Что касается Жоржа Мунена, А. Мешонник расценивает, что теоремы «Переводить» предоставляют его теории «избыточное место». Но я не считаю, что следовало бы «забыть» Ж. Мунена. Фантазматическая претензия на абсолютный «эпистемологический разрыв» является, в действительности, нереализуемой и иллюзорной. В той мере, в какой Ж. Мунен является исторически отцом-основателем (founding father) принципа теории перевода на французский язык, я придерживаюсь мнения, что следует занять по отношению к нему позицию и обсуждать его утверждения. Даже если его названные выше «*Теоретические проблемы перевода*» являются в действительности лишь хорошим «*Курсом общей лингвистики*»... вплоть до того, что в них можно увидеть в равной степени как «нулевую степень», так и, в собственном смысле слова, начало переводоведческой традиции. Даже если в «Переводить» Мунен почти никогда не цитируется иначе, как объект критики, а именно — часто (*passim!*).

Прежде всего, следует вначале расположить проблемы на уровне традиции и расхожей идеологии, которые образуют общий для всех язык, без которого подлинная теоретическая дискуссия не может иметь место; в отсутствие чего слишком легко прийти к тому, чтобы обмениваться исключительно анафемами, произносимыми каждым из их авторов на своем теоретическом идиолекте и от имени чего-то вроде доктринального аутизма и производящими извращенные последствия, которые странным, но значащим образом воспроизводят лингвистический солипсизм, частью которого является «преюдициальное возражение» о непереводе самом по себе (см. «*Переводить*», с. 85 и далее и с. 141 и далее).

И особенно, кажется, что в переводоведении есть две противостоящие традиции: та, примером которой в моих глазах является поэтика перевода, предложенная А. Мешонником, и другая, к которой принадлежат те, кого я называю *семантиками перевода*, к которым я отношу и себя самого (с. 173 и далее), примером которых является Ж. Мунен.

### **Анри Мешонник**

Будучи практикой и теорией, перевод ставит одну эпистемологическую проблему — проблему лингвистики. И проблему неизбежных связей с тем, что теория языка извлекает из философии языка. Ни одна из этих связей не является невинной. Ни одна из них не устанавливается безнаказанно для практик. Поэтому я ставлю под вопрос применение лингвистики Ельмслева («Переводить», с. 196). Я призываю рассматривать поэтику как то, что так или иначе производит любая лингвистика. И обратно: что теория синтаксиса, например, предполагает поэтику.

Существует ли только отдельная поэтика для литературы и поэзии, и только где-то там, далеко — теория коммуникации? Не существует ли



поэтики философии, каждого философского текста? *Angst* — это единое означающее у Фрейда. Переводить его то как «страх», то как «боязнь», — значит видоизменять его, превращая в означаемые. Не надлежит ли читать психоанализ психоаналитически и прислушиваться к означающим. Передавать перевод, и, в частности, философских текстов, в ведение герменевтики, не означает ли это остаться в рамках дуализма, который отъединяет означающие от означаемых? Так что я не думаю, что существует «герменевтическое измерение [...], внутренне присутствующее всякому переводу» (там же, с. 196). Речь здесь идет об интеграции в феноменологию со всем тем, что она содержит в себе от той теории языка, где текст включен в понимание и в работу толкователя, — откуда и появляется его вмешательство. Но для поэтики дискурс является способом обозначения, который не обращается к дополнительному вмешательству феноменологического понятия «хотеть сказать» и его интенциям, — этому *семантическому старью*, «*поэтическому старью*», как говорил Рембо. Без сомнения, здесь присутствует также философское старье: гегелевское «снятие» не является ли таковым?

Не сама ли эта интеграция в феноменологию воодушевляет — но оправдывает ли? — символ веры в несовместимое (в плане историчности понятий и их стратегий), «одновременно адорнианца и хайдеггерианца» (там же, с. 234; сноска 67)? Как и возвращение к самой идеологии практика-прагматика: идеологии *скромности*, *прозрачности*: «существовать и уметь исчезать» (там же, с. 247). Переводчик, который исчезает, совершает над собой акт справедливого возмездия. Хорошо известно, что святой Иероним и Лютер не исчезли. И никто из великих переводчиков. Классическая теория, теория преподавателей языка, — единственная нормативная — роет могилу прозрачным скромникам.

### Жан-Рене Ладмираль

Если речь пойдет о представленных выше замечаниях А. Мешонника, на которые я попытался здесь ответить очень бегло, тот, кто их прочитает, в целом вынесет из этого следующее:

0) что некий Жан-Рене Ладмираль (X) опубликовал книгу, под названием «*Переводить: теоремы для перевода*» (X'), пытаясь внести вклад в теорию перевода (X'');

1) что этот автор (X) питает «мечту о научности» и что он является «Господином Журденом теории», что он — жертва «недоразумения», «метафизического», что он не кто иной, как «практик-прагматик», что он является не «великим переводчиком», а всего лишь «преподавателем языка», что он не умеет «психоаналитически читать психоанализ» (что уж говорить о том, чтобы его переводить..!) и проявляет непоследовательность, желая видеть себя «одновременно адорнианцем и хайдеггерианцем», и что, если он «исчезнет», это будет лишь «справедливым возмездием», потому что он «роет (свою собственную) могилу»;

2) что его книга (X') «прибегает к фокусам исчезновения с означающим» к «некритическому воспроизведению» понятия текстуального бессознательного, которое остается замкнутым в «техницизме контрастивной грамматики», что он «ведет речи прагматика антитеории», «смешивает» между собой некоторые базовые концепты, остается «в грубой приблизительности» и в «эпистемологической размытости», что он в целом завален «семантическим старьем» и «старьем философским»;

3) что предложенные переводоведческие теоремы питаются «невежеством» и «готовыми идеями», затуманены «доминирующей философией» (которая находится в «кризисе») и наполнены различными «двусмысленностями», также неспособными «создать» как «семиотику ритма», так и «семиотику перевода», что они предлагают лишь «региональное переводоведение», которое остается (вот ведь беда!) «подчиненным теории знака», короче говоря, все эти скромники из-за своих слишком «застенчивых» теорем не представляют ничего, кроме «антитеории»...

Вот так! На самом деле более внимательное перепрочтение приводит читателя, без сомнения, к тому, что он замечает, что коннектор, в котором выражается тождество между субъектом (X/X'/X'') и предикатами, которые только что были перечислены, недостаточно проясняет. Но после того, как третье прочтение показало ему, что невозможно найти ни одного позитивного слова о книге «Переводить» в этих трех замечаниях, он поймет, что правильно сделал, что восстановил этот подразумеваемый коннектор. Может быть, он задастся вопросом, почему этот скрытый намек, формулировка которого заключается, так сказать, в «паратактическом» поучении посредством выпадения связующего звена и в этом виде заставляет вспомнить о рекламных техниках воздействия с помощью монтажа образов или, если сказать еще проще, с помощью ассоциации идей... но в конечном счете сообщение ведь дойдет!

Сейчас, чтобы «подвести» итог, я сделаю только три замечания.

Прежде всего: идея, что один знак-языка переводимого должен всегда соответствовать одному-единственному, устойчивому знаку-языка переводящего, исходит от неправомерного уподобления перевода простому перекодированию («Переводить», с. 15 sqq. и passim). В этом есть одновременно теоретическая наивность и практическая невозможность. Однако, кажется, что именно она лежит в основе критики моего «расщепленного» перевода слова «Angst» у Фрейда (с помощью «страха» (*angoisse*) или «боязни» (*peur*)). Формально я оспариваю, что квазифантазматическая одержимость таблицей сверхтерминологизирующих соответствий является способом «психоаналитически читать психоанализ», — напротив! Невзирая даже на то, что этот субстанциализирующий буквализм с некоторых пор встречает безоговорочное покровительство в различных кругах, обретающихся под знаменами Фрейда...

«Указания такого типа исходят от нелингвистической установки. Обусловленные традицией педагогики<sup>24</sup>, они по природе своей являются идеологическими и происходят из субстанциалистской метафизики языка: как если бы возможность транскодирования означающих переводимого языка в означающие языка переводящего была гарантирована квазионтологическим постоянством каких-то (нам не известных) атомов означаемого (с. 67)».

Затем, в более общем плане: не признавать, что процесс перевода имеет то, что я называю «герменевтическим измерением», это означает просто забывать или не признавать, что он является переводом только в рамках интерпретации, которая вводит в игру опосредование в виде субъективности переводчика<sup>25</sup>. «Идея о переводе, из которого была бы исключена всякая интерпретация, является тотально фантазматической, поскольку она подразумевает, что языки могут быть уподоблены кодам (*sticto sensus*), а перевод становится простой перекодировкой. Это то, что мы называем иллюзией переводческой прозрачности, неизбежным следствием идеологии, царящей над спонтанным и дорефлексивным лингвистическим сознанием, которое является здравым смыслом» (с. 230). Если только не предположить, что так называемая субъективность не находит свое тотальное (тоталитарное?) завершение в объективной Науке, окрещенной «анализом» или «теорией» (а некоторыми даже «практической теорией»), но которое, по-моему, слишком напоминает Абсолютное Знание Гегеля, великого теолога Вечности.

Наконец, когда я предлагаю переводчику следующую максиму: «быть и уметь исчезать», я, конечно, говорю, что нужно *быть* для того, чтобы, в данном случае, уметь исчезать. Почему до Мешонника доходит только каждое четвертое слово? Что до существа дела, то оно совсем не затрагивается: тут нужна целая диссертация, основательное исследование о статусе *теоретической* организации, свойственной «теоремам для перевода», которые могут стать основанием эпистемологической и философской рефлексии. Скажу только два слова: переводчик должен настолько же держаться «правее» от практицизма, отдающего более или менее «пужадистским» душком, насколько и «левее» от пафоса «лингвистицирующего» *теорицизма* по природе своей террористического, — я сказал об этом достаточно в другом месте, а именно в «*Переводить*» (с. 160 и далее). От Аристотеля до Сартра, всем известно следующее: не создавать теории — это значит ее создавать, притом — создавать плохую теорию! Я попытался там же (см. с. 26 и ниже) показать *a contrario*, как теория может стать «объективной силой», если она переходит в со-

<sup>24</sup> ...метафизики гуманитариев, то есть преподавателей гуманитарных наук, еще в большей степени, чем метафизики «преподавателей языка».

<sup>25</sup> Traduire. P. 22; Cp. Jean-René Ladmiral. «Entre les lignes — entre les langues» (Ж.-Р. Ладмираль «Между строк — между языков»), в специальном номере о Вальтере Беньямине журнала «*Revue d'Esthétique*» (1981. № 1. Nouvelle série: Privat), в печати.

знание практиков, или, в точном смысле слова, слабостью, если она туда не переходит!

Перевод вызывает к теории *в действии* (*en acte*), которая в ясном виде ставит мотивировки теоретической рефлексии в перспективу их применения *в* и *с* помощью практики перевода. Таким образом, ключевое слово в этом деле — разъяснение. Настоящий теоретик — это тот, кто устраняет экивоки и выступает третейским судьей в ситуации двойных смыслов.

### **Анри Мешонник**

Не существует макротеории до какой-то частичной теории — они являются одна посредством другой и одновременно: теория языка посредством теории перевода, между прочим, как и для ритма. Это показано в серии моих книг «В защиту поэтики» (I–V), равно как в работах «Знак и поэма» и «Критика ритма». Преподаватели языка, или *языковеды*, в качестве неязыковедов, выбирают язык вместо дискурса.

Это о них, конечно, идет речь, когда я говорю о Господине Журдене и об атеоретической позиции. Что касается остального, между обеими позициями, одна из которых смыкается с лингвистикой, другая — с герменевтикой, нельзя сказать, что одна является хорошей, а другая — плохой. Они являются лишь позициями, теоретическую и практическую эффективность которых нужно понимать. Не существует истины, существуют лишь стратегии и ставки.

В счет идет только проверка практик, теория является лишь неопределенной рефлексией над практиками. А практики являются лишь дискурсами, в которых перекодировка, которая предполагает язык-словник, никогда не применима. И наоборот, отношение между дискурсами и системами образует поле перевода текстов. В отношении чего множественность дискурсов и теорий создает множественность критики. И нет никакой другой несовместимости с критикой, кроме как отказ от критики.

*Перевод с французского Дениса Голобородько*